УДК 343.535

Осокин Александр Владиславович (osokin2001@yandex.ru)
студент 2 курса бакалавриата Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Osokin Alexander
2nd- year student of bachelor program Faculty of Law Lomonosov Moscow State University

Научный руководитель:
Денисов Дмитрий Сергеевич
ассистент кафедры истории государства и права Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Academic supervisor:
Dmitry Denisov
assistant of the Department of History of State and Law of Law Faculty Lomonosov Moscow State University

ПОСЛЕДСТВИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В РИМСКОМ ПРАВЕ

CONSEQUENCES OF PROPRIETARY INSOLVENCY OF A NATURAL PERSON IN ROMAN LAW

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности имущественной несостоятельности физического лица на различных этапах римской юриспруденции. Показана эволюция основных механизмов, направленных на защиту интересов кредиторов при обращении взыскания на личность, а затем имущество должника. Выделяются и описываются характерные особенности порядка реализации имущества должника, правового статуса несостоятельного должника и участия государства в таком производстве. Выявляются общие тенденции последствий имущественной несостоятельности физического лица на протяжении всех этапов развития римского права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *римское право, имущественная несостоятельность, несостоятельный должник, защита прав кредиторов, конкурсная масса, личные и имущественные взыскания.*

ANNOTATION: This article is devoted to the discussion of features of proprietary insolvency of a natural person during the development of roman jurisprudence. The evolution of key mechanisms aimed on protection of creditors' property interests while penalizing the personality of a debtor and his property is shown. Peculiarities of debtor's property sell, legal status of an insolvent and participation of the state in such proceedings and extracted and described. General tendencies of proprietary insolvency consequences during whole part of roman jurisprudence development are found.

KEYWORDS: *roman law, proprietary insolvency, insolvent debtor, creditors' rights protection, bankruptcy estate, personal and proprietary penalties.*

Исследование римского права как рациональной, универсальной системы позволяет понять механизм производства против несостоятельного должника; его основные принципы, выработанные на протяжении веков развития римской юриспруденции; способы распределения имущества несостоятельного должника при различных обстоятельствах, к которым римское право проявляло особый интерес; способы защиты прав кредиторов при обращении взыскания на имущество должника. В данном исследовании будет рассмотрена имущественная несостоятельность именно физического лица, так как в римском праве не существовало юридических лиц в современном правовом понимании. По утверждению русского правоведа Н.С. Суворова, «в дошедших до нас систематических изложениях начал римского права мы не найдем особой рубрики о ... [юридических лицах]. Деление на физических и юридических лиц явилось не в римской, а в позднейшей юриспруденции»[1]. Следовательно, исторически и юридически правильным будет рассмотрение развития конкурсного про-

[1] Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: «Статут». 2000. С. 29.

ПОНИМАНИЕ ОСНОВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИМУЩЕСТВЕННОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА ПОЗВОЛИТ ПРОСЛЕДИТЬ ЭВОЛЮЦИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА, ОТНОШЕНИЯ РИМСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ К ИМУЩЕСТВУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА И ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИМУЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ ДОЛЖНИКА

цесса в отношении физических лиц, нормативное регулирование несостоятельности которых существовало еще в древних законодательствах. Таким образом, понимание основных последствий имущественной несостоятельности физического лица позволит проследить эволюцию правового статуса несостоятельного должника, отношения римской правовой системы к имуществу несостоятельного должника и изменения основания для обращения взыскания на имущество и личность должника.

При изучении памятников римского права необходимо использовать стандартные для романистики приемы: логический и системный методы толкования для понимания содержания института и определения его в системе римского частного права, а также исторический метод толкования для наблюдения эволюции последствий имущественной несостоятельности физического лица. Необходимо также использовать понятийный аппарат, свойственный цивилистической догме, не прибегая по мере возможностей к использованию современной юридической терминологии.

Литература, посвященная имущественной несостоятельности в римском праве, не столь богата. Значительная часть фундаментальных исследований в сфере конкурсного процесса была проведена еще дореволюционными учеными: Г.Ф. Шершеневичем, К.И. Малышевым. Из зарубежных исследователей стоит отметить статью «Ранняя история права банкротства» американского исследователя римского права Луиса Эдварда Левинаталя, где автор описывает исторические системы банкротства, выделяя особенности каждой из них и уделяя значительное внимание раскрытию основных положений римского конкурсного процесса и института несостоятельности. Необходимо обратить внимание на работы советских цивилистов (О.С. Иоффе, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский), исследовавших римское право. Среди современных ученых-юристов стоит отметить учебник профессора Д.В. Дождева, затрагивающий вопросы имущественной несостоятельности. Значительная часть исследования будет базироваться на нормативном материале, содержащемся в источниках римского права: в Законах 12 таблиц, в сочинениях римских юристов и Дигестах Юстиниана, которые, по утверждению профессора И.С. Перетерского, «стали последним памятником римского права, сохранившим черты наивысшего развития права юристов»[2].

1. Последствия неисполнения должником обязательств в доклассический (архаический) период

Прежде чем приступать к исследованию последствий имущественной несостоятельности физического лица, целесообразно выделить периоды развития римской юриспруденции, в каждом из которых будет отражено развитие последствий неисполнения должником обязательств и институтов, позволявших обеспечить соблюдение баланса интересов кредиторов и должника в случае неисполнения обязательства без самоуправства со стороны первых и недобросовестности последнего.

Наиболее распространенной периодизацией истории римского права является классификация советского цивилиста О.С. Иоффе, который выделял 3 периода: «Период доклассического (архаического) римского права, рассчитанного на патриархально-натуральное хозяйство и лишь постепенно преобразуемого соответственно усиливавшейся роли товарно-денежных отношений

[2] Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. Москва, 1956. С. 98.

(VIII в. н.э. – I в. н.э.). Классический период приспособился к развитому торговому обороту при все более расширяющемся рынке в условиях захвата новых земель (I в. н.э. – III в. н.э.). Постклассический период отличается не столько содержанием права, сколько его системностью, представленной в кодифицированном виде (IV в. н.э. - VI в. н.э.)»[3].

Несмотря на наличие большого количества альтернативных периодизаций, целесообразным в рамках данного исследования является использование периодизации О.С. Иоффе. Она отражает общие тенденции, которые были свойственны последствиям неисполнения должником своих обязательств, чье содержание менялось в зависимости от конкретно-исторической ситуации, зависящей от развития товарно-денежных отношений и существующей в обществе парадигмы мышления.

В Законы 12 таблиц[4] (далее – Законы) было включено множество обычаев, прежде сформулированных римлянами. Одним из них стал обычай manus injectio, сформировавшийся под влиянием архаических условий жизни и впоследствии ставший частью Законов. Manus injectio представлял собой «наложение руки» на должника, символический акт дозволенной самопомощи, сопровождаемый торжественной формулой и наглядно показывающий, что кредитор по праву завладевает личностью должника.

При изучении текста Законов следует обратить внимание на III таблицу, посвященную производству против несостоятельного должника[5]. В ней установлен срок исполнения должником обязательства перед кредиторами, которые в случае несостоятельности первого применяли к нему manus injectio, когда уводили к себе и накладывали на него оковы. В течение шестидесятидневного заточения у кредиторов последние либо мирились с должником, либо трижды выводили его для продажи в базарный день. Если несостоятельного должника никто не выкупал, то кредитор (кредиторы) был вправе либо продать его за Тибр (то есть в рабство за пределы Рима), либо распоряДиться его жизнью. В 6 пункте III таблицы Законов[6] наличествует первый элемент concursus iudicium, применявшийся при неисполнении должником своих обязательств: «В третий базарный день пусть разрубят должника на части». Только в условиях множественности кредиторов concursus iudicium имеет смысл, ведь в таком случае происходит concurs partes habemus (столкновение интересов [кредиторов]), которое разрешается посредством эффективного и справедливого распределения конкурсной массы.

ТОЛЬКО В УСЛОВИЯХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ КРЕДИТОРОВ CONCURSUS IUDICIUM ИМЕЕТ СМЫСЛ, ВЕДЬ В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПРОИСХОДИТ CONCURS PARTES HABEMUS (СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ [КРЕДИТОРОВ]), КОТОРОЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ПОСРЕДСТВОМ ЭФФЕКТИВНОГО И СПРАВЕДЛИВОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОНКУРСНОЙ МАССЫ

В научных кругах возникают споры, касающиеся толкования таблицы III Законов, устанавливающего наказание для несостоятельного должника в виде разрубания тела на части в пользу кредиторов. Пандектисты считают, что речь идет о «пропорциональном разделе имущества неоплатного должника между его кредиторами»[7]. Георг Филипп Гушке видел в этом положении процедуру равного дележа имущества неоплатного должника[8]. Христофор Христиан фон Дабелов считал, «что должник выдавался кредиторам до отработки долга, ведь вырученная таким образом сумма вместе со всем его имуществом делилась между собой соразмерно заявленным требованиям»[9].

Профессор Г.Ф. Шершеневич и профессор К.И. Малышев высказывались в пользу буквального толкования данной нормы, так как в архаичной правовой системе наказание по принципу

[3] Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Ленинград. 1975. С. 4.
[4] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 116.
[5] Покровский И.А.. История римского права. Петроград, 1918. С. 87.
[6] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. / Сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 116.
[7] Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. Санкт-Петербург, 1871. С. 4.
[8] Huschke G.F. Über das Recht des Nexum und das alte römische Schuldrecht. 1846. S. 213.
[9] Dabelow C.C. Ausführliche Entwickelung der Lehre vom Concurse der Gläubiger. 1801. S.174.

талиона, когда взыскание обращается на личность должника как на имущество, обеспечивающее исполнение обязательства, «гармонизирует с целой системой долговых взысканий по древнему законодательству. Излишни попытки [пандектистов] придать норме риторическое значение»[10]. Более того, как указывает Г.Ф. Шершеневич, «римское право в своем отношении к несостоятельному должнику не остается одиноким: в Норвегии древнее право предоставляло кредитору возможность отрезать несостоятельному должнику ту или другую часть тела»[11].

Учитывая вышеприведенные обстоятельства, нельзя говорить о распределении имущества несостоятельного должника по конкурсу на доклассическом этапе развития римской юриспруденции, так как в Законах появились только его первые упоминания. Профессор Л.Э. Левинталь указывает, что «все системы банкротства, независимо от времени или места своего существования, имели два признака: во-первых, это множественность кредиторов у одного должника, а во-вторых, это имущественное исполнение должником своих обязательств перед кредиторами»[12]. Русский правовед Г.Ф. Шершеневич продолжает идею Левинталя, указывая, что «в законодательстве древних народов тщетно искать следы производства против несостоятельного должника, которое зарождается только при обращении взыскания на имущество»[13].

Такая ситуация объясняется тем, что Древний Рим не отличался богатством, а должники-плебеи были людьми бедными, чем и обусловливался их частый самозаклад (nexum, то есть процедура оформления долга) в обеспечение исполнения договоров. В случае неплатежеспособности должника кредиторы обращали взыскание на его личность, если не смогли реализовать его на «публичных торгах» в базарные дни. Эту правовую норму воспроизвел древнеримский писатель Авл Геллий в «Аттических ночах», где помимо самой нормы он указал, что «не может быть ничего более дикого, более отдаленного от человеческой натуры, чем то, что члены и суставы несостоятельного должника жесточайшим образом разрывались, точь-в-точь как продаются вещи по частям»[14].

Однако, несмотря на жестокость и ужасность наказания, оговаривается, что «суровость кары за преступление – мера, способствующая организации хорошей и надежной жизни»[15], приводя в пример санкцию за предательство Альбы Меттия Фуфетия[16]. Кроме того, несостоятельный должник, будучи nexum'ом, мог быть отдан кредиторам на отработку долга.

При такой правовой базе, созданной Законами и практикой их применения, когда кредиторы обходили законы, вследствие чего имели безграничные права против своих должников, реакция против личных мер взыскания оказалась неизбежной. У римского историка Тита Ливия в «Истории Рима от основания города» приводятся разнообразные примеры бесчеловечного отношения кредиторов к должнику, сформировавшегося в течение нескольких веков. Ливий лаконично и точно описывает ситуацию, сложившуюся со стариком-центурионом. Из-за долга он сначала лишился своего имущества («отцова и дедова поля»), а потом «долг, подобно заразе, въелся в само его тело»[17]. Очевидно, что права кредиторов по отношению к должникам не только оставались безграничными, но и не собирались становиться ограниченными.

Однако вскоре, как выразился Ливий, «гнусное попрание прав одного человека привело к падению оков долговой кабалы»[18]. Причиной изменения законодательства стало «соединение в Луции Папирии распутности с исключительной жестокостью»[19]. Кредитору в отработку долга был отдан Гай Публилий, молодой юноша, которого Папирий попытался совратить. На отказ юноши последовало битье розгами, после которого Публилий вырвался на улицу и обвинил на форуме ростовщика в жестокости. В результате народного бунта и последующего обсуждения данного казуса в 326 г. до н.э. был принят lex Poetelia Papiria[20], который запретил личную расправу над неоплат-

10 Малышев К.И. Указ. соч. С. 4-5.
11 Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 3.
12 Louis Edward Levinthal: The Early History of Bankruptcy Law. University of Pennsylvania Law Review and American Law Register. P.225.
13 Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 1.
14 Авл Геллий. Аттические ночи (20, 1, 19).
15 Авл Геллий. Указ. соч. (20, 1, 51).
16 Авл Геллий. Указ. соч. (20, 1, 54-55).
17 Тит Ливий. История Рима от основания города. Том 1. М., 1989. С. 81. (2, 23, 1- 8).
18 Тит Ливий. Указ. соч. С. 392. (8, 28, 8).
19 Тит Ливий. Указ. соч. С. 392. (8, 28, 1-7).
20 Тит Ливий. Указ. соч. С. 392. (8, 28, 8-9).

ным должником, заменил ее на имущественное взыскание, освободил от кабалы должников и запретил впредь их кабалить.

Таким образом, последствия неисполнения должником обязательств в доклассический период римской юриспруденции могут быть сведены к тому, что законодательство постепенно уходило от архаичного принципа «кто не может расплатиться с помощью своего кошелька, платит своей кожей» к тому, что по обязательствам отвечает имущество должника, а не его тело. Как верно отмечает Л.Э. Левинталь, «поскольку взыскание обращалось против личности, а не имущества должника, то не было очевидных причин для создания института несостоятельности». Однако с введением в действие lex Poetelia Papiria было ограничено всевластие кредиторов, которые больше не осуществляли manus injectio против личности nexus. Данное нововведение стало шагом к появлению полноценной процедуры обращения взыскания на имущество несостоятельного должника в форме concurs partes habemus. Кроме того, на стыке доклассического и классического периодов развития римской юриспруденции начинают складываться механизмы concurs partes habemus, которые в дальнейшем станут основой справедливого, эффективного и взаимовыгодного распределения имущества несостоятельного должника между кредиторами.

2. Последствия неисполнения должником обязательств в классический период

2.1. Появление имущественного взыскания против несостоятельного должника

Неизвестно, когда именно имущественное исполнение полностью вытеснило личное, однако такое изменение связано со многими процессами, происходившими с римским государством и обществом на рубеже тысячелетий. Прежде всего, это связано с развитием внутренней и внешней торговли, частыми взаимодействиями римской правовой системы и правовыми системами чужестранцев (перегринов), усложнением товарно-денежных отношений. В совокупности эти обстоятельства привели к формированию ius gentium, т.н. права народов, выработанного судебной практикой преторов в спорах между римлянами и перегринами. Важной чертой ius gentium является то, что «право всесветной коммерции» было свободно от формализма, присущего римской правовой культуре в доклассическом периоде. Оно основывалось на принципах ratio naturalis, «приноровленных к жизни»[21], основанных на здравом смысле, естественном праве и равенстве субъектов, что делало ius gentium универсальной правовой системой, «объединяющей всех людей»[22].

Тенденции развития права на рубеже тысячелетий не могли не повлиять на последствия неисполнения должником обязательств, приобретшие в классический период свои основные черты, принципы и институты. Взыскание обращалось преимущественно на имущество должника, а не на его личность, ведь личное взыскание не являлось эффективным в условиях развитых торговых отношений. Производство против несостоятельного должника перестало быть жестоким и архаичным, стало более гибким, диспозитивным для сторон, основанным на личной заинтересованности кредиторов и должника в исходе дела. Установились такие средства реализации имущества, как venditio bonorum. В производстве принимали участие кураторы, контролировавшие конкурсную массу, и магистры, распродававшие ее. В этом периоде начало проявляться участие органов власти в производстве против несостоятельного должника, которое прежде было «res familiaris» тяжущихся, «вмешательством государства не в свое дело»[23], так как теперь претор являлся участником процедуры обращения взыскания на имущество несостоятельного должника. Впервые должник мог самостоятельно инициировать производство с целью освобождения от санкций по отношению к своему правовому статусу. Наравне с интересом должника были предусмотрены и средства правовой защиты интересов кредиторов в форме actio Pauliana.

[21] Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М., 2012. С. 27-29.

[22] Кофанов Л.Л. Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М., 2015. С. 51.

[23] Малышев К.И. Указ. соч. С. 11.

2.2. Возбуждение производства и продажа имущества должника

Необходимо обозначить, каким образом начиналось производство против несостоятельного должника в классический период. Такое производство начиналось либо по инициативе кредиторов несостоятельного должника (venditio bonorum), либо по инициативе самого должника (cessio bonorum). Различные основания для производства несли за собой различные правовые последствия для правового статуса должника: в случае его намеренного уклонения от ответа по иску, а следовательно, от исполнения обязательства перед кредиторами он подвергался infamia. Тогда кредитор или кредиторы имели право обратиться к претору с просьбой о введении во владение имуществом укрывающегося должника в целях обеспечения его сохранности перед venditio bonorum (Gaj, III, 78)[24]. В случае множественности кредиторов претор назначал curator bonorum, который от лица кредиторов осуществлял missio in possessionem. Этот институт представлял собой право держания имущества должника под надзором кредиторов в лице curator bonorum. Кредиторы, введенные в missio in possessionem, не получали каких-либо правомочий собственности, однако они в течение 30 дней публично объявляли о venditio bonorum. Тем не менее из Институций Гая (Gaj., II, 154)[25] следует, что в течение срока missio in possessionem должник все еще мог рассчитаться с кредиторами и предотвратить infamia[26].

В случае невозможности «заключения мирового соглашения»[27], кредиторы избирали magister

[24] Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.,1997. – С. 201.

[25] Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.,1997. – С. 131.

[26] Правовое умаление чести, ограничение правоспособности, особенно в области судопроизводства; Infamis были лишены ius suffragii, ius honorarum, ius militia, ius conubii, ius terra.

[27] Термин используется условно: «мировое соглашение» в данном случае обозначает возможность кредиторов и должника договориться по поводу выплаты причитающегося долга.

bonorum, то есть лицо, при помощи которого имущество в течение 10 дней продавалось на публичных торгах. Как утверждает русский цивилист К.И. Малышев, «magister bonorum создавал lex venditionis (публикация о сроках и условиях продажи), вызывая желающих принять участие в торгах»[28]. В случае нахождения bonorum emptor'a magister bonorum оптом продавал имущество должника первому, а претор утверждал правильность совершения и законность сделки (Gaj., 3, 79)[29]. С этого момента bonorum emptor являлся общим преемником несостоятельного должника (Gaj., 2, 97-98)[30], считавшегося как бы умершим (Inst., 3, 25, 7)[31].

На bonorum emptor'a переходили все права и обязательства несостоятельного должника. Покупатель имущества, в частности, должен был рассчитаться со всеми кредиторами соразмерно их требованиям до venditio bonorum. Как указывает профессор К.И. Малышев, «требования и иски должника против третьих лиц переходили также к должнику, он мог отыскать права своего предшественника. Он также является ответственным перед кредиторами за долги несостоятельного должника»[32] [ведь при продаже emptor bonorum соглашался на уплату долга с процентом, оговоренным при продаже]. Здесь можно увидеть один из приемов римской юридической техники – фикцию, которая, как отмечает профессор А.М. Ширвиндт, «служит методом преодоления зависимости субъекта права от объективного нормативного порядка, существующего от природы»[33].

Действительно, в случае универсального правопреемства при продаже имущества несостоятельного должника посредством фикции реализуются одновременно две функции: во-первых, несостоятельный должник посредством признания как бы умершим исключается из системы экономических и частично из общественных отношений с целью обеспечения их стабильности и освобождения от «неэффективного» члена. Во-вторых, фикция в данном случае дает bonorum emptor'у возможность осуществлять эффективную хозяйственную деятельность как бы от лица несостоятельного должника, используя его средства производства. Фикция предполагала и существование специального инструментария, посредством которого универсальный правопреемник осуществлял защиту своих прав. Этими инструментами выступали actio Rutiliana и actio Serviana, существенной разницы между которыми не было. Единственной отличительной чертой было то, что при использовании actio Rutiliana несостоятельный должник оставался живым, а bonorum emptor вчинял свои требования посредством иска с перестановкой лиц, выступая как бы должником. Actio Serviana использовался в случае несостоятельности умершего человека: в таком случае bonorum emptor считался наследником[34].

Представляет интерес actio Serviana, который использовался для обращения взыскания на завещанное имущество несостоятельного умершего должника. Такой порядок обращения взыскания был предусмотрен римским правом, очевидно, с целью защиты имущественных интересов кредиторов, которым не удалось получить удовлетворения от умершего должника. В связи с этим профессор К.И. Малышев указывает, что «кредиторы наследодателя были бы поставлены в весьма невыгодное положение, если бы имущество их должника слилось в одну массу с имуществом наследника и они были бы вынуждены получить из этой массы удовлетворение по соразмерности с кредиторами наследника»[35]. В Дигестах Юстиниана, окончательно утвердивших возможность такой процедуры, выработанной законодательством классического периода, находится титул (D. 42, 6)[36], посвященный separatio bonorum, процедуре, применявшейся для предотвращения слияния конкурсных масс двух разных должников в случае, когда такое слияние происходило по закону. Дигесты приводят конкретный казус (D. 42, 6, 1)[37], указывающий на необходимость separatio bonorum обремененного долгами на-

[28] Малышев К.И. Указ. соч. С. 24-25.
[29] Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.,1997. – С. 201, 203.
[30] Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.,1997. – С. 111, 113.
[31] Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.,1997. – С. 277.
[32] Малышев К.И. Указ. соч. С. 25-26.
[33] Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 273.
[34] Римское частное право: учебник / Д.В. Дождев. М., 2014. С. 252.
[35] Малышев К.И. Указ. соч. С. 57.
[36] Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. В 8 тт. Т. 7. М., 2005.
[37] Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. В 8 тт. Т. 7. М., 2005

РИМСКОЕ ПРАВО ПРЕДУСМОТРЕЛО ПРОДАЖУ ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ КОНКУРСНЫХ МАСС ИМУЩЕСТВА, НО ОТ ОДНОГО ЛИЦА: НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЙ НАСЛЕДНИК ОТВЕЧАЛ СВОИМ ИМУЩЕСТВОМ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ПЕРЕД СВОИМИ КРЕДИТОРАМИ,
А ПОСРЕДСТВОМ ACTIO SERVIANA ОН ВЫСТУПАЛ КАК БЫ ОТ ИМЕНИ УМЕРШЕГО НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО НАСЛЕДОДАТЕЛЯ ПЕРЕД КРЕДИТОРАМИ ПОСЛЕДНЕГО

следственного имущества от имущества самого несостоятельного должника-наследника, так как в случае их соединения будет причинен ущерб имущественным интересам разных кредиторов. Дигесты предостерегают кредиторов (D. 42, 6, 1)[38] от смешения имуществ, указывая, что кредиторы одного из должников могут получить меньше, так как живой должник либо неплатежеспособен, либо кредиторов против имущества должника оказывается больше. Поэтому римское право предусмотрело продажу двух различных конкурсных масс имущества, но от одного лица: несостоятельный наследник отвечал своим имуществом по обязательствам перед своими кредиторами, а посредством actio Serviana он выступал как бы от имени умершего несостоятельного наследодателя перед кредиторами последнего.

Вторым способом обращения взыскания на имущество несостоятельного должника была cessio bonorum, то есть добровольная уступка должником (ответчиком) своего имущества кредиторам (истцам). Этот институт, введенный lex Iulia [de cessio bonorum], который приписывается Юлию Цезарю или Августу, освобождал должника от infamia под присягой об отсутствии какой-либо иной собственности[39], оставляя его в системе экономических отношений и не ограничивая его правоспособность. Дальнейшая процедура, как указывает Гай (Gaj., 3, 78)[40], осуществляется по правилам venditio bonorum. Говоря об остальных особенностях cessio bonorum, важно отметить, что «из жалости должнику оставлялись лишь необходимые средства для пропитания». Таким образом, можно говорить, что в классическом периоде при проведении процедуры несостоятельности по cessio bonorum начали защищаться и права должников, которых не делали обездоленными, а оставляли им жизненно необходимые блага.

Однако в классический период производство против несостоятельного должника было на стороне кредиторов: вне зависимости от способа обращения взыскания (venditio или cessio bonorum) и результатов реализации имущества на публичных торгах, если требования кредиторов не были удовлетворены в полном объеме, то за ними оставалось право повторно обратить взыскание на новое имущество должника. Механизм separatio bonorum, заключавшийся в разделении имущества несостоятельного наследника, позволял максимально эффективно обеспечить удовлетворение имущественных требований различных кредиторов без причинения ущерба кому-либо из них. Данные обстоятельства свидетельствуют о сохранении зависимости должника от своих кредиторов, которые «были вправе снова просить у претора missio in possessionem и вторичной venditio bonorum»[41], если у должника появлялось имущество, превышающее необходимые средства для проживания, а также право на separatio bonorum для соразмерного удовлетворения требований разных кредиторов, исключения смешения их требований.

2.3. Actio Pauliana как средство защиты интересов кредиторов

Помимо права на вторичную venditio bonorum при совершении должником действий in fraudem creditorum, при обращении взыскания на имущество несостоятельного должника кредиторам был предоставлен еще один специфический институт по защите их имущественных интересов – специальный иск actio Pauliana. Данное средство пра-

[38] Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. В 8 тт. Т. 7. М., 2005.
[39] Покровский И.А. Указ. соч. С. 120.
[40] Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.,1997. – С. 201.
[41] Малышев К.И. Указ. соч. С. 29, 33.

вовой защиты представляло собой возможность кредиторов от имени curator bonorum оспаривать действительность сделок должника, направленных на укрытие имущества до продажи на конкурсе, то есть совершенных во вред кредиторам. Появление способа оспаривания сделок в форме actio Pauliana связано непосредственно с кодификацией законодательства (D. 22, 1, 38, 4)[42], проведенной Юстинианом, однако в классическом периоде существовало множество иных средств защиты имущественных прав кредиторов.

Как указывает пандектист Г. Дернбург[43], существовало 3 формы оспаривания сделок, которые по мере развития института несостоятельности эволюционировали в actio Pauliana. Среди них он выделяет vindicatio utilis, interdictum fraudatorium и actio in factum. Не вдаваясь в особенности их применения, необходимо отметить, что каждое из этих средств использовалось в конкретных обстоятельствах и конкретным субъектом. Часто при оспаривании действий должников случались противоречия, связанные с применением того или иного средства. Это запутывало кредиторов, удлиняло проведение процедуры несостоятельности, позволяло недобросовестному должнику реализовать свое имущество. Однако все формы оспаривания сделок были схожи между собой до степени смешения: профессор К.И. Малышев указывает, что единственное различие между этими средствами правовой защиты было только процессуальным: «interdictum fraudatorium имел в виду принудить ответчика удовлетворению истцов, actio in factum устанавливался с целью охраны права кредиторов, когда трудно было доказать намеренный обман кредиторов со стороны ответчика и, следовательно, осуществить vindicatio utilis»[44]. Несмотря на то что actio Pauliana как институт появился лишь в кодификации Юстиниана, необходимо рассмотреть его в рамках классического периода. Именно в этих условиях сформировались все предпосылки по объединению нескольких форм защиты прав кредиторов от действий, совершенных несостоятельным должником им во вред, в единый иск, получивший название actio Pauliana.

Как верно утверждает Г. Дернбург, actio Pauliana «коренится исключительно в недобросовестности должника»[45]. Однако для использования этого иска с целью признания сделок должника, направленных на причинение вреда имущественным интересам кредиторов, было необходимо соблюдение нескольких условий. Среди них необходимо отметить реальное отчуждение имущества должником, вследствие которого он имел намерение причинить вред интересам кредитора. Actio Pauliana был одним из видов личных исков (actiones in personam), который предъявлялся для выполнения обязательства перед кредиторами. В данном случае curator bonorum либо сами кредиторы предъявляли недобросовестному должнику или недобросовестному приобретателю отчужденного должником имущества требование о restitutio ad integrum, «чтобы поставить кредиторов в такое положение, как если бы отчуждения не было произведено [то есть признать сделку и ее последствия недействительной]»[46].

Важно отметить, что для предъявления actio Pauliana третьим лицам было необходимо, помимо доказывания ущерба для кредиторов, доказать также факт недобросовестного приобретения, когда покупателю «было известно намерение отчуждавшего должника»[47]. Доказывание не требовалось, когда вещь была передана должником безвозмездно. Но в случае добросовестного приобретения, по мнению римского юриста Сабина[48], такой покупатель ответственности не подлежит. Иск мог быть предъявлен только по истечении года с момента возникновения у кредиторов права на его подачу, что исключало возможность полного возвращения отчужденного имущества и «ограничивалось размером действительного обогащения ответчика»[49].

В целом, классический период развития римского права можно охарактеризовать появлением основных принципов и механизмов обращения взыскания на имущество несостоятельного долж-

[42] Более того, кодификация Юстиниана объединила все средства правовой защиты кредиторов в форме actio Pauliana.
[43] Генрих Дернбург. Пандекты. Обязательственное право. Т. 2. М., 1911. С. 372.
[44] Малышев К.И. Указ. соч. С. 44.
[45] Генрих Дернбург. Указ. соч. С. 373.
[46] Генрих Дернбург. Указ. соч. С. 375.
[47] Шернешевич Г.Ф. Указ соч. С. 9.
[48] Quia dolus ei dumtaxat nocere debeat, qui eum admisit / ведь никто не считается обманывающим тех, кто осведомлен и согласен; D. 42, 8, 9. (Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. В 8 тт. Т. 7. М., 2005. С.).
[49] Генрих Дернбург. Указ. соч. С. 376.

НЕСМОТРЯ НА ВСЕ ЛЬГОТЫ ДОЛЖНИКАМ, ПРОИЗВОДСТВО ПРОТИВ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА В ДРЕВНЕМ РИМЕ ОРИЕНТИРОВАЛОСЬ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО НА ИНТЕРЕСЫ КРЕДИТОРОВ, А НЕ НА ИНТЕРЕСЫ ДОЛЖНИКОВ, КОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИ ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ ЛИШАЛИСЬ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА, ЧТО БЫЛО ПОДОБНО НАКАЗАНИЮ, ТАК КАК НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ДОЛЖНИК НЕ МОГ ЭФФЕКТИВНО ФУНКЦИОНИРОВАТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ника. Римляне осознавали значимость проведения особой процедуры, направленной на соразмерное удовлетворение требований кредиторов и формирование конкурсной массы. Для обеспечения добросовестности сторон, исключения обращения взыскания на личность должника римское право выработало институты охранительных мер (missio in possessionem) до продажи имущества с публичных торгов (venditio bonorum), которыми руководили разные субъекты (curator и magister bonorum), что исключало возможное обращение незаконного взыскания на имущество должника, давая ему возможность заключить мировую сделку во избежание infamia. Участие представителей власти также обеспечивало законность действий, предпринимаемых в ходе производства против несостоятельного должника, так как missio in possessionem, actio Pauliana, venditio bonorum легализовывались через претора.

По сравнению с предыдущим периодом должник в классическую эпоху имел гораздо больше правомочий по защите своих личных и имущественных прав от произвола кредиторов посредством, например, cessio bonorum. Кредиторы также могли предотвращать посягательства должника на свои имущественные интересы путем оспаривания сделок должника, направленных на незаконное отчуждение имущества несостоятельного должника, которое должно войти в конкурсную массу. Несмотря на все льготы должникам, производство против несостоятельного должника в Древнем Риме ориентировалось преимущественно на интересы кредиторов, а не на интересы должников, которые практически во всех случаях лишались права собственности на средства производства, что было подобно наказанию, так как несостоятельный должник не мог эффективно функционировать в системе экономических отношений.

3. Последствия неисполнения должником обязательств в постклассический (юстиниановский) период

Последствия неисполнения обязательства в постклассический период развития римского права характеризовались замедлением производства, изменением его оснований и порядка реализации имущества несостоятельных должников, повышенным участием государства в таком производстве.

Профессор Г.Ф. Шершеневич верно утверждал, что «законодательство Юстиниана не только не внесло существенных изменений в конкурсное производство, но и вредно отразилось на быстроте производства»[50]. Прежде всего, рост продолжительности производства против несостоятельного должника связан с изданием Конституции Диоклетиана 294 г., которая «устанавливала extraordinaria cognitio в качестве общей и единственной формы процесса»[51]. Кроме того, для участия кредиторов в missio in possessionem давалось 2 года, если кредитор жил в одной провинции с должником, или 4 года, если он жил в другой[52]. Экстраординарное производство предполагало, помимо первой инстанции, наличие апелляционного обжалования. Апелляция откладывала вступление приговора в силу, что давало должнику возможность использовать право на обжалование, чтобы затянуть производство по делу. Удлинение сроков вступления кредиторов в missio in possessionem одновременно с наличием апелляционной инстанции затормаживало производство

[50] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 9.
[51] Покровский И.А. Указ. соч. С. 167.
[52] Малышев К.И. Указ. соч. С. 47.

против несостоятельного должника, что подрывало эффективность гражданского оборота, так как кредитор в течение долгого времени не мог получить удовлетворения, а должник, постоянно скрывавший свое имущество, не мог извлекать из него значительной выгоды. Как пишет профессор К.И. Малышев, «от местных чиновников, заведовавших судебными делами, тянулся целый ряд инстанций до двора самого императора. Даже самые простые и бесспорные дела находились в производстве по 18 лет только в одной инстанции»[53]. Из данного факта следует, что судебная система, построенная Диоклетианом, являлась причиной простоя гражданского оборота, кризиса экономики как в поздней Римской империи, так и в Византии. Даже профессор И.А. Покровский отмечает, что бюрократизация общества, чрезмерное вмешательство государства в экономическую и общественную жизнь и, как выяснилось, неэффективная судебная система, не способная оперативно реагировать на нарушение прав, привели Византию к экономическому кризису[54]. К.И. Малышев, критикуя законодательство Юстиниана о товарно-денежных отношениях[55], приходит к выводу о том, что плохие законы о кредите, ипотеке, несостоятельности и «дурное» устройство поземельных отношений стали одной из главных причин падения Византии, так как кредиторы теряли доверие к обеспечению долгов и терпели все горечи конкурсного производства. Анализируя вышеприведенные обстоятельства, можно сделать вывод, что нормативное регулирование экономических отношений в Византии привело к потере интереса к предпринимательской деятельности среди крупных хозяйствующих субъектов, которые понимали, что свои имущественные права и интересы придется защищать в течение долгого периода времени. Судебная защита стала поистине неэффективной, вследствие чего торговцам было выгоднее нести убытки от неполученных от должников денежных средств и имущества, чем защищать свои права в суде, обращая взыскания на имущество и обрекая свое дело на простой, что в тех условиях снижало экономическую и хозяйственную эффективность предприятия.

Несмотря на плачевность ситуации, вызванной законодательством постклассического периода в производстве против несостоятельного должника, законодателю удавалось принимать разумные шаги, направленные на обеспечение баланса интересов кредиторов и должника в производстве в случае неисполнения должником обязательства. К таким относится ограничение применения cessio bonorum случаями vis maior[56]. Данное постановление, принятое в 379 году в правление Грациана, было направлено на ограничение недобросовестности должников, которые добровольно уступали кредиторам имущество, которое «лично им казалось ненужным». Недобросовестные должники одновременно скрывали наиболее ценное имущество и освобождались от infamia, так как по доброй воле уступали его кредиторам, что также подрывало доверие кредиторов к процедуре взыскания денежных средств с должника, тормозило экономическое развитие.

Необходимо также отметить основные изменения, коснувшиеся порядка реализации имущества должника. Вместо архаичной процедуры venditio bonorum, представлявшей собой отголосок manus injectio, так как имущество должника, как и должник до lex Poetelia Papiria, полностью продавалось только одному лицу (имущество как бы заменяло личность), появилась distractio bonorum (распродажа имущества по частям). Институции Юстиниана официально исключали venditio bonorum из использования (Inst., 3, 12, 1), аргументируя такой шаг сменой ординарных судов на экстраординарные и обращая внимание на исключительность такой формы реализации имущества должника. Это подкреплялось конкретным казусом, когда женщина, увлекшаяся любовью к рабу, теряла свою свободу и юридическое бытие, что, по мнению коллегии Трибониана, не соответствует временам.

Такой механизм реализации имущества должника не был эффективен, ведь проще и выгоднее было распродать имущество должника по отдельности, чтобы по возможности в полной мере удовлетворить требования кредиторов. Более того, должник по distractio bonorum не подвер-

[53] Малышев К.И. Указ. соч. С. 61.
[54] Покровский И.А. Указ. соч. С. 161.
[55] Малышев К.И. Указ. соч. С. 62.
[56] Обстоятельствами непреодолимой силы, среди которых Малышев выделяет грабеж, кораблекрушение и пожар (Малышев К.И. Указ. соч. С. 34).

гался infamia. Обратим внимание на процедуру distractio bonorum, которая в постклассическом периоде стала единственно возможной для реализации имущества несостоятельного должника. Прежде всего, заменялось лицо, осуществляющее реализацию. Если прежде ее осуществлял magister bonorum, который «спекулировал на счет остатка [имущественного актива] после реализации имущества должника»[57], то теперь управляющим имуществом стал curator bonorum. Говоря о достоинствах этого института, стоит отметить, что это лицо соединило в себе полномочия missio in possessionem и distractio bonorum, что ранее осуществлялось bonorum emptor путем venditio bonorum. Кроме того, curator bonorum стал органом хозяйственного управления, попечителем имущества, который выступал в экономических отношениях как бы должником. Однако такая продажа была весьма выгодна для покупателя, ведь она, как и cessio bonorum, не влекла за собой infamia, а также предусматривала возвращение должнику остатка, если из продажи было выручено более, чем необходимо на покрытие долгов. В эпоху Юстиниана curator bonorum начал выбираться голосованием кредиторов и утверждаться судом. Законодатель позаботился о том, чтобы curator bonorum был предельно беспристрастным и добросовестным: «В присутствии маклера, удостоверявшего количество вырученных средств, и казначея местной церкви curator, выступавший в данном случае продавцом, давал клятву, что не дружил с покупщиками и продал имущество за настоящую цену»[58]. Таким образом, закон заботился не только о добросовестности попечителя имущества, но и об имущественных правах и интересах кредиторов, ведь продажа в розницу была более выгодной.

Излишнее вмешательство государства в процедуру имущественной несостоятельности должника выражалось, inter alia, в помещении его, за исключением случаев cessio bonorum, в общественные долговые тюрьмы, а также в применении пыток для разыскания имущества. Производство стало неэффективным, так как медлительность процедур и судебной системы затрудняли возможность удовлетворения требований кредиторов в кратчайший срок, что являлось преградой к осуществлению торгово-экономической деятельности, построенной на постоянном обороте денежных средств.

Заключение

Рассмотрев последствия имущественной несостоятельности физического лица в правовой системе Древнего Рима можно сделать следующие выводы:

1. Переход от личного к имущественному взысканию, от репрессии к реабилитации должника при существовании приоритетов для кредиторов. Основным моментом в развитии последствий имущественной несостоятельности в римском праве стоит отметить переход взыскания с тела должника на его имущество, что обуславливалось развитием гражданского и торгового оборота Рима, когда обращение взыскания на личность было неэффективным, так как было гораздо выгоднее получить имущественное удовлетворение, которое впоследствии могло быть использовано для нужд хозяйствующего субъекта. В целях наиболее эффективного распределения имущества для удовлетворения требований кредиторов были выработаны процедуры separatio bonorum и venditio bonorum, которая могла инициироваться неограниченное количество раз для полного удовлетворения требований кредиторов. Стоит отметить, что законодательство впервые допустило смягчение последствий имущественной несостоятельности должника, когда он сам мог посредством cessio bonorum уступить все свое имущество кредиторам, вследствие чего должник не подвергался infamia, а кредиторы не могли просить у претора о повторном обращении взыскания на появившееся у должника имущество.

Появилась процедура distractio bonorum, предполагавшая не оптовую venditio bonorum, а розничную продажу, при которой имущество оставалось у должника, пока требования кредиторов не будут полностью удовлетворены. Несостоятельный должник при distractio bonorum мог рассчитывать на оставление за ним имущества, необходимого для обеспечения нормальной жизнедеятельности. Римское право в классическом и

[57] Малышев К.И. Указ. соч. С. 37.

[58] Малышев К.И. Указ. соч. С. 48.

постклассическом периодах окончательно перешло к имущественному исполнению обязательств несостоятельного должника перед кредиторами с первыми попытками сохранить имущественное благосостояние должника, чтобы не исключать его из системы экономических отношений, а дать ему попытку вернуться в условия, существовавшие до банкротства, без infamia.

Однако положение кредиторов на протяжении развития всего римского права оставалось привилегированным: именно по их инициативе обращалось взыскание на имущество несостоятельного должника, они назначали bonorum curator'а, bonorum emptor'а, просили претора о совершении юридически значимых действий, связанных с завершением процедуры обращения взыскания. Однако законодательство Юстиниана, несмотря на возможность наиболее полного удовлетворения требований кредиторов, давало должникам значительные льготы, которые негативно отразились на состоянии экономики, так как кредиторы не могли отстоять свои интересы при имущественной несостоятельности своих контрагентов, что в совокупности с другими обстоятельствами привело к экономическому кризису в Византии.

2. Участие государства в производстве против несостоятельного должника. Важным изменением в процедуре обращения взыскания на имущество несостоятельного должника было участие государства как гаранта законности проведения процедуры и добросовестности сторон. В архаическом периоде участие государства в процедуре взыскания долгов в случае имущественной несостоятельности было вмешательством не в свое дело, res familiaris. Однако в классическом и постклассическом периодах многое изменилось: в процедуре обращения взыскания на имущество несостоятельного должника принимал участие претор, к которому стороны (в основном кредиторы) обращались для проведения специальных процедур (missio in possessionem, separatio bonorum, emptio bonorum) и который удостоверял законность всех процедур, имуществом управлял curator bonorum, а распродавал emptor bonorum. При Юстиниане в distractio bonorum, помимо curator bonorum, участвовал также маклер и казначей местной церкви, которые были дополнительными гарантами добросовестности сторон. Получается, что по мере развития общества и экономики государство активнее вмешивалось в процедуру обращения взыскания на имущество должника, чтобы предотвратить всякие действия сторон, направленные на причинение вреда имущественным интересам стороны.

С другой стороны, повсеместное государственное участие в частных делах, реформа судебной системы сделали разбирательство максимально неэффективным, так как процедура обращения взыскания на имущество несостоятельного должника значительно удлинялась, что подрывало основы хозяйственной деятельности. Следовательно, польза от участия государства в производстве против несостоятельного должника является спорной, ведь необходимо соблюдать баланс частных и публичных интересов, а не произвольно вмешиваться в экономические отношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авл Геллий. Аттические ночи. / Пер. с лат. Тритенко Б., Шатрова Г.М. / Под ред. Шатрова Г.М. – М.: Водолей, 1993. – 208 с.
2. Гай. Институции. / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.: Юристъ, 1997. – 368 с.
3. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. В 8 тт. М.: Статут, 2001–2006. (Полный латинский текст с полным параллельным русским переводом).
4. Институции Юстиниана / Пер. с лат. Д. Расснера. / Под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
5. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том 1. / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе. / Отв. ред. Е.С. Голубцова – Изд-во «Наука» М., 1989. – С. 504.
6. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Составитель: доктор юридических наук, профессор В.А. Томсинов. – М.: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2004. – 560 с.
7. Генрих Дернбург. Пандекты. Обязательственное право. Т. 2 / Пер. с нем. П. Соколовского. / Под ред. А. Ворсма и И. Вульферта – Москва, 1911. – 396 с.
8. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. – Ленинград, из-во Ленинградского ун-та. – 1975. – 156 с.

9. Кофанов Л.Л. Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. – М.: Статут, 2015. – 192 с.
10. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. – Санкт-Петербург, 1871. – 456 с.
11. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. – М.: Госюриздат, 1956. – 129 с.
12. Покровский И.А. История римского права. – 4-е изд. – Петроград, 1918. – 430 с.
13. Римское частное право: учебник / Д.В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2014. – 784 с.
14. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 560 с.
15. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: «Статут». 2000. – 299 с.
16. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. – 447 с.
17. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. Дисс. на соиск. ст. канд. юрид. наук. М., 2011. 306 с.
18. Louis Edward Levinthal: The Early History of Bankruptcy Law / University of Pennsylvania Law Review and American Law Register Vol. 66, No. 5/6 (Apr., 1918), pp. 223-250 (28 pages).
19. Huschke G.F. Über das Recht des Nexum und das alte römische Schuldrecht. 1846. 281 s.
20. Dabelow C.C. Ausführliche Entwickelung der Lehre vom Concurse der Gläubiger. 1801. 812 s.